

ЛЕКЦИЯ 19

Сегодня мы постараемся успеть изучить таинство покаяния.

В требнике чин этого таинства называется так: "Последование о исповедании". Здесь говорится: "Приводит духовный отец хотящаго исповедатися единого, а не два или многия, пред икону Господа нашего Иисуса Христа непокровенна". Далее обычное начало: 50-й Псалом, потом тропари "Помилуй нас, Господи, помилуй нас". Затем читаются две молитвы. Первая звучит так: "Боже, Спасителю наш, Иже пророком Твоим Нафаном покаявшемуся даде в своих согрешениях оставление даровавый, и Манассиину в покаяние молитву приемый, Сам и раба Твоего (или и рабу Твою) ..., кающагося (или кающаюся), в нихже содела согрешениях, примии обычным Твоим человеколюбием, презираяй ему (или ей) вся содеянная, оставляяй неправды, и превосходяй беззакония. Ты бо рекл еси Господи: хотением не хочу смерти грешника, то тако еже обратитися, и живу быти ему: и тако седмьдесят седмерицею оставляти грехи. Понеже тако величество Твое безприкладное, и милость Твоя безмерная, аще бо беззакония назриши, кто постоит; яко ты еси Бог кающихся, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков, аминь".

Затем вторая молитва: "Господи Иисусе Христе, Сыне Бога живаго, Пастырю и Агнче, возмем грех мира, Иже заимования даровавый двема должником, и грешнице давый оставление грехов ея: Сам Владыко остави, прости грехи, беззакония, согрешения вольная и невольная, яже в ведении и не в ведении, яже в преступлении и преслушании бывшая от рабов Твоих сих. И аще что тако человеци плоть носяще, и в мире живуще, в диавола прельстишася. Аще же в слове, или в деле, или в ведении, или в неведении, или слово священническое попраша, или под клятвою священническою быша, или под свою анафему падоша, или под клятву ведошася: Сам яко Благ, и Незлобивый Владыко, сия рабы Твоя словом разрешатися благоволи, прощай им и свою их анафему и клятву, по велицей Твоей милости. Ей, Владыко Человеколюбче Господи, услыши нас молящихся Твоей благодати о рабах Твоих сих, и презри яко милостив прегрешения их все, измени их вечныя муки. Ты бо рекл еси Владыко: елика аще свяжете на земли, будут связаны на небеси: и елика аще разрешите на земли, будут разрешены на небеси. Чко Ты Един Безгрешен, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно, ныне и присно, и во веки веков, аминь".

Далее священник говорит некое увещание: "Се чадо, Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое, не осрамяся, ниже убойся, и да не скроеши что от мене: но не отбинуяся рцы вся, елика соделал еси, да приимеши оставление от Господа нашего Иисуса Христа. Се и икона Его пред нами: аз же точию свидетель есмь, да свидетельствую пред Ним вся, елика речеши мне: аще ли что скарыеши от мене, сугуб грех имаши. Внеми убо: понеже бо пришел еси во врачевницу, да не неисцелен отыдеши".

Затем в требнике написано: "Духовник вопрошает его (кающагося — о. Владимир) прилежно едино по единому, и ожидает его (или ее), донельже отвещает протыву коегождо вопрошения".

Священник вопрошает: "Рцы ми чадо: аще веруеши, яко церковь кафолическая апостольская, на Востоке насажденная и возвращенная, и от Востока по всей вселенной разсеянная, и на Востоце и доселе недвижимо и непременно пребывающая, предаде и научи; и аще не усомнишася в коем предании". В ответ на этот вопрос кающийся должен прочитать Символ веры — не

— 2 формально, конечно, ибо это момент исповедания православной веры.

Затем следуют другие вопросы, которых в требнике весьма много. После всех этих вопросов, которые большинство из вас, наверное, никогда не слышали, священник должен прочитать еще одно увещание, которое, наверное, тоже никто из вас никогда не слышал: "От сих всех отныне должен еси блюстися, понеже вторым крещением крещаешься, по таинству христианскому, и да положиши начало благое, помогающе тебе Богу: паче же не поглумися на тоежде обращаяся, да не твориши человеком смеха, сия бо христианам не суть прилична: но честно, и право, и благоговейно пожити да поможет тебе Бог Своєю благодатию".

Только теперь, после этого увещания, кающийся должен еще раз проверить свою совесть и если что-то скрыл, должен сказать, что он сделал плохого. Когда же он исповедался полностью, он должен стать на колени, и священник читает над ним разрешительную молитву: "Господи Боже спасения рабов Твоих, милостиве и щедре и долготерпеливе, каяйся о наших злобах, не хотяй смерти грешника, но еже обратитися, и живу быти ему: сам и ныне умилиствися о рабе Твоем (или рабе твоей) ..., и подаждь ему образ покаяния, прощение грехов и отпущение, прощая ему всякое согрешение, и соедини его святей Твоей Церкви, о Христе Иисусе Господе нашем, с нимже Тебе подобает держава и великолепие, ныне и присно, и во веки веков, аминь".

А дальше следует неожиданное по смыслу добавление: "Господь и Бог наш Иисус Христос, благодатию и щедротами Своего человеколюбия, да простит ти чадо (имя) вся согрешения твоя, и аз недостойный иерей, властью Его мне данною, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь".

Обычно в это время священник кладет епитрахиль на голову кающегося и благословляет его крестным перстосложением со словами: "Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь". Это и есть разрешительная молитва.

Может быть, вам это покажется странным, но такой чин таинства покаяния появился лишь в конце 17 века. Мы с вами говорили о том, что разные чины появлялись не мгновенно в апостольское время, а постепенно, с ходом истории. Например, проскомидия оформилась в 8 веке, таинство брака, чин венчания — в 8-9 или даже 10 веке. А вот таинство покаяния — в 17 веке. Тут встает вопрос: что же, из 20 христианских веков в течение 17 таинства покаяния не было? Церковь жила без этого чина?

Ясно, что это не так — были какие-то другие чины, и это нас в особенности побуждает обратиться к истории этого таинства, истории его жизни в Церкви. Вероятно, история его была особенно не простой, если только в 17 веке можно было утвердить такой чин.

Но и здесь скажу вам несколько грустных слов, потому что хотя этот чин и появился в 17 веке, я думаю, что ни один из вас не исповедался по этому чину полностью. И вряд ли вы когда-нибудь слышали, чтобы где-нибудь в церкви этот чин полностью осуществлялся. В некоторых церквях он читается в сокращении, но так, чтобы одному человеку священник полностью читал этот чин, спрашивал его таким образом и чтобы он читал Символ веры — я думаю, вы не встречали такого. Я тоже не встречал.

Значит, история становления чинопоследования таинства покаяния не окончилась? В 17 веке чин составлен, но он опять-таки не удовлетворяет каким-то церковным возможностям, церковным потребностям и не осуществляется Церковью все равно. Т.е., иначе говоря, Церковь с этим чином как бы особенно мучается более, чем с каким-либо другим чином. Это таинство оказывается, может быть, наиболее трудным, наиболее непонятным ита

— 3 инстинктивным, здесь кроется какая-то особенная проблема.

Вы знаете, как сейчас обычно совершается таинство покаяния в церквях. По большей части утром, во время часов или в начале литургии собирается в приделе храма народ, который собирается причаститься, и священник начинает читать чинопоследование с большими или меньшими сокращениями, но обычно хотя бы две молитвы, которые я прочитал вначале, читаются. А затем происходит нечто странное — то, чего в чинопоследовании вообще нет и что взялось непонятно откуда. Священник вдруг начинает говорить: "Кайтесь в своих грехах" и достает какую-то бумагу, скорее всего собственного изготовления или откуда-то переписанную от руки (во всяком случае нигде не изданную) и говорит: "Грешны". В чем? Во всем: в неверии, в богохульстве, в клятвопреступлениях, во всяких отречениях от веры, в колдовстве — все грехи, касающиеся веры, потом все грехи, касающиеся гордыни, потом — гнева, потом — любостыжания, воровства. Более или менее полный список всевозможных грехов по заповедям. А уже наученные кающиеся периодически восклицают: "Грешны, батюшка, грешны!" Некоторые говорят: "Грешны, батюшка, во всем". А там чего только не написано: и убийства, и конокрадство, и поджоги...

Иногда эти списки бывают такими, что страшно делается. Мне довелось видеть один такой список под названием "Тайная исповедь", он был опубликован подпольно одним ревнителем покаянного благочестия. Там было столько перечислено грехов, что я получил целое "образование" и, конечно, сжег эту бумажку и советовал никому никогда не читать такие вещи.

Но вот в прошлом или позапрошлом году под грифом Оптиной пустыни (говорят, что это было подложное издание) была опубликована такая общая исповедь, в которой, кажется, около 500 грехов таких, что некоторые вызывали хохот, а иные ужас.

Все такие списки пишутся потому, что у священника, у духовника есть такая мысль: нужно исповедоваться как можно полнее. Нельзя ни одного греха забыть, и нужно предусмотреть все-все, что бывает на свете. А вдруг кто-нибудь согрешил и забыл?

Прочитав такой список, священник говорит: "Теперь наклоните головы". И читает разрешительную молитву. Затем другая команда — и все начинают быстро подходить под епитрахиль к аналою, где лежат Крест и Евангелие. Уже не читая повторно разрешительную молитву, священник просто всех благословляет причащаться. Исповедь окончена.

Как видите, такая общая исповедь фактически стала повсеместной нормой. И у нас, в России, и на Украине (а там другого просто не бывает, говорят), и это означает, что Церковью что-то не приемлется. Многие священники, старцы, духовники эту общую исповедь обличали, отрицали, чуть ли не проклинали ее, говорили, что это профанация таинства. Даже патриарх Алексий I напечатал в "Журнале Московской патриархии" статью, где была осуждена эта общая исповедь. Неоднократно многие епископы выступали с осуждением общей исповеди. Тем не менее она живет и нисколько не уходит из нашей жизни — наоборот, все больше и больше приживается.

Наверное, кто-кто хочет сказать: все попы обманщики, лентяи, просто не хотят исповедовать, ведь так проще и легче жить. Но я в это не верю. По крайней мере по опыту своему не вижу, чтобы все священники были обманщики и лентяи.

В чем же дело? Значит, что-то другое есть, какая-то другая причина того, что священноначалие говорит "нельзя", а священники не слушаются епископов и все равно только так и делают. В чем же дело? И народ это принимает.

Более того. Я знаю священников, которые начинали свое служение с того, что исповедовали очень ревностно, обстоятельно, подробно, медленно. Я сам, когда начинал служить, на испо

— 4 веди, как говорится, горел. Отчасти поэтому меня и прогоняли из одного храма в другой, что не могли вытерпеть этой исповеди, которую я там заводил. Там все время бывали общие исповеди, а я старался не исповедовать так, как запрещалось, это противоречило совести моей. И поэтому я оказывался неприемлемым для храма, и меня переводили.

Так что я от этого немало даже пострадал, а вот теперь, как и многие мои знакомые, очень ревностные священники, я иногда склоняюсь к тому, что, может быть, было бы и неплохо сделать общую исповедь. Во всяком случае проводить такую исповедь, как в молодости, я уже не могу, не хочу и не буду.

Значит, есть что-то такое, что противоречит нашей жизни? И Церковь ищет новую форму, новое адекватное понимание этого таинства — и никак не может найти.

Это тема очень и очень важная для нас. Она необходима и для будущей катехизации, и вообще для будущей церковной жизни, для воспитания своих собственных детей, да и для вас самих. Для священников будущих и для мирян необходимо понимать, что такое таинство покаяния. Но, к сожалению, у нас очень мало времени, и сегодня мы сможем обсудить только самое главное.

Попробуем разобраться: что же происходит с таинством покаяния в истории и в чем трудность сегодня?

В истории таинство покаяния учреждено Самим Спасителем. Вы помните Его слова по воскресении из мертвых: ихже отпустите грехи — отпустятся, ихже свяжете — будут связаны. Эти слова Христа считаются словами, утверждающими таинство покаяния. И мы знаем, что в древности, в I веке по Р.Х., таинство покаяния, действительно, понималось как второе крещение. Недаром эти слова остались в увещании, которое теперь никогда не читается, хотя и содержится в чине исповеди. Второе крещение т.е. таинство возрождения для того, кто не смог удержаться в Церкви, который от нее отпал, погиб. Вот для такого погибшего человека, который родился в таинстве крещения, а потом от Церкви отпал, потому что согрешил тяжко (это называется смертным грехом), — для такого человека имеется возможность покаяться и возродиться в Церкви, вернуться в нее.

Какие грехи первохристиане считали самыми страшными смертными грехами? Прежде всего — отречение от Христа. Второй грех — убийство, третий — прелюбодеяние. Эти смертные грехи считались не только несовместимыми с христианской жизнью, но убивающими христианина. Человек, согрешивший так, уже не являлся членом Церкви. Впоследствии православная аскетика выработала более подробное учение о смертных грехах, и мы имеем список смертных грехов более пространный. Это, конечно, всякий блуд, воровство, клятвопреступление, кощунство, колдовство, ворожба. Это грехи, которые делают пребывание в Церкви невозможным.

Чтобы уврачевать такое отпадение от веры, Господь нам оставил таинство покаяния. Оно совершалось над тяжко согрешившими кающимися людьми особым образом. В древности практиковалась исповедь публичная, когда согрешивший человек должен был перед всей общиной сказать о своем грехе, покаяться в нем и попросить прощения у Бога. Правда, древние памятники говорят нам о том, что всегда практиковалась и исповедь частная. Видимо, с I века была и частная исповедь тоже, но публичная исповедь была не редкостью, не исключением, а правилом. Если же человек, уже прошедший таинство покаяния, вновь согрешал, то сначала (в I веке) первохристиане считали, что во второй раз таинство покаяния совершать уже невозможно. Т.е. таинство покаяния, так же как и таинство крещения, совершалось однажды в жизни. Если человек крестился и согрешил, покался и вновь согрешил — значит, он не христианин, не хочет быть христианином. В 3 веке в Карфагене был Собор, где обсуждался вопрос о том, можно ли принимать падших в Церковь через таинство покая

— 5 ния. Под падшими разумелись те, кто во время гонений отрекся от Церкви, от Христа. Были сторонники того мнения, что падших в Церковь принимать нельзя и таинство покаяния для них не может быть совершено. Но победило милосердие, и Карфагенский Собор решил, что все-таки надо принимать и падших, хотя они и должны быть подвергнуты строгой епитимье.

Церковь и дальше постоянно шла по пути милосердия и смягчения строгости. От века к веку мы видим смягчение требований, и все-таки на протяжении веков составилась так называемая покаянная дисциплина, которая имела весьма запутанный кодекс грехов и епитимий, соответствующих им, т.е. исправительных наказаний — не в смысле возмездия, а в смысле научения. Человек, который тяжко согрешил, должен свое покаяние явить в жизни, победить этот грех в себе, и тогда только он мог быть в Церкви.

Были такие нормы: за убийство от причастия отлучали на 15-20 лет, за прелюбодеяние — на 15 лет, за блуд — на 7, за то, что мы теперь называем аборт (убийство во чреве, которое было известно и в древности, хотя это был и очень редкий грех) — на 10 лет, за гадание — на 3 или 5 лет.

Те, кто был отлучен от причастия, должны были не просто сидеть дома и не ходить в церковь, а должны были постоянно пребывать в церковном притворе (а они зачастую бывали больше самих храмов) и там, в зависимости от категории, они должны были проходить то или иное послушание. Таких категорий было четыре: припадающие, плачущие, служащие и купно стоящие. Припадающими назывались те, которые должны были стоять на коленях, а плачущие должны были плакать, стоя на коленях; служащие могли стоять в храме вместе с оглашенными и вместе с ними выходили из храма, когда раздавался возглас: "Оглашенные, изыдите!" После этого они могли оставаться только в притворе. Купно стоящими назывались те, кто могли присутствовать на литургии верных, но не имели права причащаться.

Такая покаянная дисциплина говорит о том, что несмотря на смягчения, покаянные нормы были весьма строгими. Многие правила номоканона, Свв.Отцов или Вселенских Соборов поражают нас своей строгостью. Понятие о нравственности христианской было очень высоким, и Церковь неохотно шла на компромиссы в этой области. Но теперь мы эту покаянную дисциплину забыли. Теперь от причастия на столько лет не отлучают даже в случае самых тяжких грехов. Наши епитимии никогда не бывают такими строгими. Вы не видели в притворе стоящих на коленях, плачущих, припадающих. Есть, правда, купно стоящие — тайно стоящие купно, но не причащающиеся. Но и это бывает в исключительных случаях. Епитимии тоже бывают, но очень мягкие: прочесть Евангелие или сделать поклоны. Таким образом, эта строгая покаянная дисциплина утрачена в наше время, и это не случайность, конечно. Она перестала соответствовать уровню требований сегодняшнего дня, тому духу, который царит сегодня в Церкви. Этот дух стал гораздо более слабым, немощным, чем в древности. К тому же и дух времени, дух мира стал особенно страшным, жестоким, даже ужасающим, поэтому труднее спасаться в наше время.

Но мы должны разобраться не в букве канонов, а постичь дух церковного понимания таинства покаяния. Вы помните, как в Деяниях апостолов говорится, как ап.Павел со своими спутниками пошел в какую-то сторону и Дух Святой не пошел с ними. Тогда они вернулись и пошли в другую сторону, и Дух Святой пошел с ними. Такое харизматическое понимание жизни христианской, т.е. жизни благодатной, в Духе Святом, является основой для христианской жизни во все века. Хотя мы не можем сейчас жить так, как жили первохристиане, мы в такой мере не благодатствованы, может быть, не способны к такой мере духовности, но тем не менее именно это есть цель жизни христианской — стяжание Духа Святаго. Древний христианин каялся тогда, когда чувствовал, что Дух Святой отошел от него из-за того, что он согрешил. Он

— б должен был покаяться в своем грехе, чтобы благодать Божия вернулась к нему.

И сейчас тоже таинство покаяния нужно понимать, конечно, не формально. Если кто-нибудь думает, что достаточно вот так постоять в толпе, помолиться, потом подойти к аналою, чтобы священник прочитал разрешительную молитву, и все в порядке, он тяжело заблуждается. Всякое таинство, тем более таинство покаяния, должно быть ощутимо. Человек должен почувствовать облегчение от того, что с души его спал тяжкий груз греха. Он должен уйти от аналоя просветленным, должен почувствовать, что Господь его простил. Это должно быть. Но бывает только тогда, когда человек действительно кается. Не тогда, когда он совершает что-то формально — стоит, поклоны кладет и т.п. или когда напишет целую тетрадь своих грехов и долго рассказывает о них священнику. Но не это есть покаяние. Покаяние есть сокрушение сердца, когда человек испытывает горечь, боль, когда совесть его мучает, когда человек испытывает жажду очищения, жажду прощения. Когда он чувствует, что больше так жить не может, что он лишился самого главного — Господь отошел от него. И вот он ищет прощения и умоляет Господа простить и вернуться к нему. Такое настоящее покаяние и есть необходимое условие того, что таинство покаяния будет совершаться.

Если мы только помыслим на одну минуту, что таинство покаяния может совершаться без покаяния, то мы станем магами, католиками, но к православной жизни это никакого отношения уже иметь не будет и не может. Ничто формальное, никакая сакраментальная формула не может спасти положения. "Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит" — так написано в 50 Псалме. Сокрушенное, смиренное сердце, сознание своего греха и желание очиститься здесь необходимы.

Но не только это. Можно говорить о необходимых условиях покаяния. Прежде всего, конечно, нужно осознать себя грешным. Второе — испытать покаяние. Затем нужно исповедовать свой грех. Зачем нужна исповедь? Разве нельзя молча покаяться перед Богом, ничего не говоря священнику? В исключительных случаях можно. Бывают такие случаи, когда человек, не имея возможности обратиться к священнику, кается и Господь его прощает. Но не случайно Церковь сделала исповедь необходимой составной частью покаяния.

Дело в том, что исповедь — это то действие, когда человек действительно просит прощения. Объяснить это легко. Вот ребенок сделал что-то плохое. Маме хочется его простить, но она молчит. Почему? Потому что он набезобразничал, а мама скажет: "Прощаю тебя", и будет только вред. Ребенок должен прийти и сказать: "Мама, прости". Просить прощения — это необходимость для него, без этого прощать его не только бессмысленно, но даже вредно. Только вред вы причините ребенку, если будете прощать

его, когда он об этом не просит. Значит, нужно, чтобы он попросил прощения. Но когда он просит прощения, мы замечаем, что часто он это делает формально. И тогда мы говорим: "Вот ты говоришь "прости", а за что ты просишь прощения, скажи-ка?" И очень часто мы видим, что ребенок пытается как-то вывернуться, уйти от ответа. Очень редко он возьмет и скажет обо всем честно и открыто. Даже чистой детской душе покаяние дается с большим трудом. И необходимость сказать вслух о своем грехе, произнести эти слова имеет огромнейшую силу. Сказать свой грех это оказывается сильнейшим средством покаяния, самым сильным. Скажи свой грех! В древности — не только священнику. И это помогало человеку покаяться.

Можно о психологии этого момента более подробно говорить, но, наверное, здесь все более или менее ясно. Но скажу вам по опыту: очень часто бывает, что человек свой грех сознает и в некотором смысле даже кается — плачет, бьет себя кулаком в грудь. Потом с большой легкостью приходит к священнику и гово

— 7 рит — иногда даже больше, чем надо. И тем не менее священнику почему-то очень трудно прочитать разрешительную молитву. Как говорится, рука не поднимается наложить на него епитрахиль. Не чувствует он, что есть покаяние. Почему? Потому что есть еще одна необходимая составная часть покаяния — твердое желание, твердая решимость больше так не согрешать.

Вот эти четыре составные части покаяния нам нужно обязательно знать и понимать. Между прочим, когда кающийся после исповеди целует Крест и Евангелие, это есть древняя форма клятвы, обещания. В летописях русских мы часто находим такие слова: "Целуй мне крест на том-то и на том-то". Скажем, князь говорит своим подчиненным: "Целуй крест, что ты сделаешь то-то". Что это значит? Это значит: обещай мне, что ты это сделаешь, и в подтверждение того, что не нарушишь своего обещания, целуй крест. То есть обещай мне это перед Крестом и Евангелием, т.е. перед Христом распятым. Так вот, когда кающийся целует Крест и Евангелие, то он обещает больше так не грешить.

Это необходимые составные части покаяния. Тогда только может быть действительно таинство, когда со стороны кающегося соблюдены эти основные условия. Но говоря о том, что такое покаяние, мы еще далеки от проблемы, которая была поставлена вначале: в чем же трудность, которая так ясно нами ощущается, так тяжело переживается Церковью? Почему это таинство не вписывается в жизнь Церкви легко и просто? Почему общая исповедь является по существу профанацией таинства покаяния — профанацией столь сильной, что даже крупнейший митрополит сегодняшнего Синода мне сказал, что сомневается в том, что это таинство совершается таким образом, т.е. посредством общей исповеди.

Мы не говорим никогда о таких сомнениях, когда служим литургию или крестим. Даже когда крещение совершается очень поспешно, очень плохо, очень неправильно, мы все-таки не допускаем таких сомнений — совершилось крещение или нет? Оно все-таки совершилось. Может быть, даже в суд и в осуждение, но совершилось. А вот тут епископ, митрополит высказывает сомнение. Почему же это так? В чем причина такой катастрофической действительности нашей?

Причина есть. Легче всего ее понять, рассматривая историю. Когда первые христиане прибегали к таинству покаяния, все было совершенно иначе: они переживали грех отпавшего от общины человека как свой грех. Скажем, была община. В ней могло быть 20 человек. И вот эта община вместе живет, молится, трудится, вместе провожает на мученическую смерть кого-то из своих членов и радуется за этих мучеников как за достигших Царства Христова. А может, потом один из членов этой общины отрекся, отпал от Христа — публично отрекся во время гонений под угрозой смерти. Это тяжкий грех. И такого грешника нужно утешать, довести до покаяния. Может быть, он 20 лет будет стоять с припадающими, но он хочет вернуться в Церковь, он исповедует свой грех. А другой, может быть, взял и изменил жене. Это тоже страшный грех, тоже нетерпимый в Церкви.

Вот как воспринимался грех в древности, и соответственно этому воспринималось и покаяние. Но потом приходит время, когда Церковь распространяется. Представьте себе, во время гонений тебя того и гляди вывести на площадь, подвергнуть пыткам и казнить. Тут иначе выглядит вся жизнь христианская. Все неверные, все слабые отрекаются, уходят от Церкви. Остаются только те, кто готов умереть за веру, за Христа. Они хотят умереть за Христа, имея чистую совесть. Опять-таки здесь особая атмосфера, особое понимание духовной жизни.

Но потом гонения кончаются, наступает эпоха Константина, и огромные толпы вчерашних язычников приходят в Церковь, крестятся массами, и им ничто не грозит, никаких гонений нет. Они приносят с собой в Церковь совершенно иные понятия о жи

— 8 ни, о грехе. Грехи становятся очень частыми, и уже нет возможности общине так переживать, общины делаются очень большими. И вот новая жизнь уже не вмещает в себя прежние нормы. Возникает новая норма — исповедь делается только частной, только тайной. И постепенно приходит в Церковь такое сознание, что причастие Св.Христовых Таин как бы связано с таинством покаяния.

Сначала это было очень опосредовано, очень не сразу, но это от того происходило, что согрешил человек, и его отлучали от причастия. Значит, чтобы снова причащаться, нужно покаяться. Но в

древности — и вы должны это знать — люди причащались без таинства покаяния. Оно совершалось только для тех, кто отпал от Церкви, остальные причащались без исповеди, без покаяния. Постоянно причащались, каждую неделю. Так, как теперь это делают священники. Они служат и вовсе не обязательно перед причастием исповедуются.

Раньше это было нормой. Но постепенно она уходит. По мере того как все большее количество язычников приходит в Церковь и Церковь разрастается, уровень духовной жизни катастрофически снижается. Начинают грешить постоянно и причащаться редко. Епитимии отлучают от причастия на годы, и очень многие могут причаститься только раз в год. Целый год они не причащаются, потом приходят к исповеди и причащаются, как на Пасху, а потом опять долго не причащаются. Словом, постепенно получилось так, что в России (в особенности) возникла норма очень тяжелая, в каком-то смысле трагическая норма: без исповеди нельзя причащаться, таинство причастия соединилось с таинством покаяния неразрывно. Мирянин не может причаститься без исповеди.

Говорят, что это отчасти по полицейским соображениям так было, это ввели Петр I и его Синод. Но я думаю, что не только в этом дело. Это норма довольно поздняя. Еще в 16, 15 веке можно было причащаться без исповеди, только в 17-м веке был наложен такой запрет. Естественно, когда перед причастием нужно говеть (семь дней поститься, усиленно молиться, ходить в храм, исповедоваться) и только потом причаститься, причастие делается очень редким. Эта норма оборачивается другой стороной. Она была установлена для того, чтобы не допускать к причастию людей формально, чтобы нельзя было грешить и причащаться, чтобы христиане все-таки помнили, что причащаться можно только с чистой совестью.

Но получается результат другой: если нельзя причащаться без исповеди, то будем причащаться редко. И вот в России устанавливается ужасная норма — причащаться раз в год Великим Постом. Вроде бы заодно уж попустишься, поговещь. Наступает расцерковление, потеря литургической жизни. Но это отчасти можно объяснить. Если обязательно нужно исповедоваться перед причастием, то не только самим кающимся трудно пройти эту покаянную дисциплину, но и священнику невозможно постоянно всех причащать и исповедовать. Это просто невыносимо. Если для каждого, как написано в требнике, нужно такое правило прочесть, то на каждого нужно потратить час времени. Даже если приход небольшой, человек сто, то это уже сто часов. Где же их взять?

Поэтому и священники начинают уже ограничивать причастие, причащаться только редко. Но вот здесь нас подстерегает новая беда: если причащаться редко, раз в год, Великим Постом, то на священника обрушиваются толпы кающихся. И тут начинается уже борьба темных сил за то, чтобы и этот единственный раз в году тоже отнять у христиан. И когда приходит на исповедь человек 200 или 400, их тоже никак нельзя исповедовать подробно. И эта единственная в году исповедь тоже теряется. Отсюда и появляется общая исповедь.

Я служил в таком приходе, где было много прихожан пожилых, они причащались раз в год, Великим Постом. И вот начинается литургия, и вот эти бабушки набиваются битком в храм. Я служил в двухэтажном храме в Вешняках. В нижнем хнаме идет ли

— 9 тургия, а исповедь идет в верхнем, потому что не помещается народ. А ведь все те, кто хочет причаститься, кто являются полными, настоящими участниками литургии, они стоят в верхнем храме, а литургия идет в нижнем. Их набивается человек 400 там, а воскресная литургия идет два часа. И если на каждого такого человека потратить всего полминуты, то нужно уже 200 минут — больше трех часов. В литургию не успеть. А они — любую спроси — все причащались год назад. "Какие у тебя грехи?" "Во всем грешен, батюшка". Во всем — и все. Этих людей уже не пробьешь. Надо такого человека трясти 20 минут, чтобы он сказал хоть один грех.

Что делать? Практически тут ничего не остается, кроме как, ничего не говоря, прочитать молитвы и сказать несколько слов о том, что все мы грешны, а потом прощать и разрешать может быть, успеешь к концу литургии. Как хочешь, так и выходи из положения. А если ты не пропустил кого-то до литургии, то все с ревом бросаются на тебя: "Батюшка, как же так, я пришла с клюкой, шла полчаса по лужам, я не могу ходить, а ты меня не причастил!"

Ситуация ужасная, безвыходная. Поэтому священники и вынуждены прибегать к общей исповеди. И хотя я всегда был поборником исповеди подробной, обстоятельной, но в этой ситуации тоже был вынужден поступить таким образом. Правда, я никогда не вычитывал грехи за бабушек, не обманывал их в этом, не делал вид, что все в порядке. Я просто говорил, что нужно покаяться в своих грехах, а дальше уж на вашей совести. Большая часть времени уходила на то, чтобы объяснить, как это все плохо. Но их это не волновало.

Вот в чем сегодняшняя проблема.

Почему так получилось? Есть еще одна причина. Не только постоянно повышающийся уровень греховности нас погубил. Когда язычники пришли в Церковь в огромной массе при Константине Великом, значительная часть ревностных христиан ушла в пустыню, в монастыри. Возникло

монашество. Именно потому, что была утрачена та духовная атмосфера, та духовная жизнь, которая была во время гонений, и они, оказавшись в миру, решили уйти в пустыню.

У монахов в монастырях сложилась своя духовная жизнь, и там покаянная дисциплина осталась, но в другом виде. Там нужно было каждому монаху постоянно исповедовать свои грехи, свои помыслы старцу. А старцем назывался авва, которому поручался новоначальный инок, новоначальный монах. Этот старец изначально не был священником просто потому, что в первые века христианства монашество и священство были несовместимы. Считалось, что монах священником быть не может. Таким образом, исповедь своих помыслов старцу не была таинством покаяния. Это было покаяние, но как бы покаяние дисциплинарное, учебное, оно понималось как способ духовного взрастания, духовного научения, воспитания. Такая дисциплина преследовала как бы воспитательную цель.

Затем эпоха иконоборчества внесла некий новый момент в жизнь Церкви. Во время иконоборчества (а эпоха эта продолжалась примерно полтора века, это была очень длительная ересь) белое духовенство себя очень сильно скомпрометировало, потому что в массе своей перешло на сторону иконоборцев. А иконопочитание отстаивали монастыри, монахи. Поэтому в народе церковном утвердилось такое понимание, что можно ходить в храм, но в руководители, в духовники надо выбирать себе монаха настоящего, настоящего духовника. К белому духовенству появилось большое недоверие.

Когда монахи стали духовниками и для мирян тоже, то они привнесли со своей стороны в таинство покаяния эту монашескую дисциплину откровения помыслов, т.е. они как бы соединили то таинство покаяния, которое Церковь имела с первых веков

— 10 христианства, с дисциплинарным покаянием периодическим, частым, которое осуществлялось в монастырях. И дело окончательно запуталось, потому что таинство покаяния нужно совершать редко, а открывать свои помыслы старцу — каждый день. Как же исповедоваться теперь — часто или редко?

Все это вместе взятое составило ком, клубок противоречивых пониманий этого таинства, и все это досталось теперь нам. И здесь надо сказать, что положение наше безвыходное. Хотя разные выходы ищут в наше время разные богословы. Например, на Западе католики или западные православные решили так: разделить снова таинство покаяния и таинство причащения, т.е. разрешить причащаться без исповеди. В Америке, во Франции везде практикуется такое понимание этих таинств. Ты можешь причащаться без исповеди, но раз в месяц или раз в полгода надо все-таки поисповедоваться. Независимо от причастия, а так, как у нас живут священники. Вернуться в этом к древней норме.

Вроде бы это хорошо, и многим священникам это нравится. Так просто и хорошо разрубили этот гордиев узел, поставили все на свои места, сделали все как в дренажи: причащение — это одно, покаяние — это другое. Почему каждый христианин должен обязательно все время каяться? Не все же мы отпадаем от Церкви каждую неделю, зачем же нужно таинство покаяния?

Вообще говоря, это правильно, и нужно было бы это сделать — по таким показаниям. Но вот ужас: на Западе это сделали, а получилось только хуже. Христиане западные православные вообще утратили ощущение покаяния. И теперь, когда их священники как-то побуждают к этому, они отвечают: "А зачем? Я не грешник". То есть дело, оказывается, вовсе не в том, чтобы формально соответствовать первому веку христианскому. Нельзя формально нормы первохристианские перенести в 20 век — это невозможно. Это станет возможным только тогда, когда будет перенесен дух первохристиан в наше время. Как, например, во времена гонений в нашем 20 веке в России это было вполне возможно. Когда наступили гонения, когда опять стали убивать, сажать в тюрьмы, подвергать пыткам, тогда первохристианские нормы, первохристианский образ жизни сам вошел в нашу жизнь. И христиане начали жить так сами собой, даже не зная о том, как это было во времена первохристианства, не имея книг, археологических раскопок. То есть перенести это можно только вместе с самим духом первохристианства. А вот перенести дух — это так просто не делается. Недостаточно взять и перевести на русский язык, скажем, Св.Писание, или службу, или ввести катехизацию. Таким образом, механическое перенесение тех норм в наше время ничего не дает, делается только хуже.

Какой же выход? Общая исповедь — плохо, разделение таинств — плохо, сделать исповедь частной, постоянной и подробной — тоже плохо.

Мы у себя в храме по вечерам проводим длинные исповеди под праздник, под воскресенье до глубокой ночи, чтобы каждый мог поисповедоваться отдельно. И многие священники, особенно те, у кого сил побольше, просто погибают на этих исповедях, и я сам погибал, приходилось по 18 часов там проводить. Должен сказать: и это плохо, результата нет. Более того, такая постоянная подробная исповедь может быть даже вредной. Вам это непонятно, вы удивляетесь, но я вам скажу. Вот у меня есть община, которую я подробно исповедую много лет, стараюсь с каждым работать по отдельности. Ну и что? Там очень высокий уровень духовной жизни? Ничего подобного. Люди привыкают к подробной исповеди, и она профанируется. Люди привыкают проходить эту исповедь, но они не умеют каяться. Потому что покаяние в сердце человека. От того, что мы сделаем это так, или иначе, или еще как-нибудь, сердце-то не меняется.

То есть вот такая подробная исповедь с откровением помыслов, к которой у нас многие стремятся и упрекают своих ду

— 11 ховников: "почему вы меня не слушаете, я хочу постоянно вам свои грехи открывать — каждый день или хотя бы раз в три дня", — это все от лукавого. Это вовсе не является признаком высокой духовной жизни. Наоборот, скорее всего это приведет к фарисейству, лицемерию, лукавству и к духовному оупению.

Все это я говорю потому, что это мною выстрадано, это не просто теория. Какой же выход? Его нет. Таинство покаяния не случайно не вписывается в нашу жизнь. Почему? Потому что покаяния нет. И пока не будет покаяния, мы не найдем никакой формы, ее не будет. Чего стоит форма без содержания?

Поэтому Иоанн Предтеча, когда пришел, восклицал: "Покайтесь!" И Христос начал свою проповедь с этого слова. Христианства без покаяния нет. А покаяние есть подвиг. Пока не будет такого подвига, пока не будет в нас постоянно покаянного духа, таинство покаяния совершаться правильно не будет. И никакие формы, никакие проповеди ничего не дадут.

Что же нам делать теперь? Во-первых, не нужно делать никаких революций. Отменять таинство покаяния перед причастием нельзя. Это нельзя было даже на Западе делать, потому что это дает только худшие плоды. А у нас тем более: если при нашей жизни разрешить причащаться без покаяния, это будет просто проходной двор. Толпа хлынет и смятет священника. Это означает, что мы будем причащать всех убийц, блудников, это будет полная профанация таинства. Недаром наши старцы категорически это воспрещают. Они знают духом, что нет на это воли Божией.

Можно ли сделать общую исповедь? Таковую, как у нас сейчас проводят, — нет. Это обман. Потому что те, кто проповедит общую исповедь, хотят внушить народу, что они покаяться. Вместо того, чтобы совесть будить, они ее успокаивают, они хотят сделать вид, что люди исповедались и покаяться. А они ни в чем не каялись и ни в чем не исповедовались. Это батюшка читал грехи, а они пришли, когда он уже все прочел. Или вообще опоздали.

Так что общей исповеди быть не должно. Но должна ли быть вот такая постоянная и подробная частная исповедь? Конечно, нет. Она невозможна, она нереальна. Даже если бы Москве будет 10 тысяч священников. А если даже это и получится, то в результате будет фарисейство и лицемерие. Покаяния-то нет. Значит, это тоже не способ.

Что же делать?

Опыт и слово самых мудрых наших духовников таковы: мы ничего сейчас не можем отменить; хотя первохристианские нормы лучше наших, вернуться к ним механически мы не можем. Значит, нельзя исповедь отменять, нужно ее проводить. Но нужно ввести как бы два способа исповеди. Один — для тех, кто часто причащается, живет церковной жизнью, не совершает тяжких смертных грехов: не убивает, не делает аборт, не блудит, не ворует, не колдует, не бьет родителей, не пьянствует, не колется наркотиками — не делает вещей, абсолютно не совместимых с христианской жизнью, не совершает смертных грехов. Для этих людей нужно ввести исповедь упрощенную. Они должны иметь возможность покаяться кратко, двумя-тремя словами, может быть, дать записку. И получить разрешительную молитву к причастию. Не нужно вычитывать этим людям списки этих грехов — они их не делают. Им нужно сказать другое: вы будете причащаться, имейте в виду, что причащаться вы можете в суд и в осуждение, если вы лукавите, лицемерите, фарисействуете, если совесть ваша молчит, если у вас нет в душе покаяния. Их нужно предупредить, а дальше пусть они по совести подходят и получают разрешительную молитву.

Это не будет общей исповедью. Она есттам, где для всех произносится общая исповедь, которой на самом деле никто в сердце не имеет. Этого делать не надо. Второй способ покаяния — для тех, кто отпал от Церкви или пришел в церковь впервые, кто только что обратился к вере или отпал от Церкви, совершив

— 12 страшный смертный грех. К таковым относятся, в частности, все люди, кто не причащался год, пять, десять лет. Это тоже люди, отпавшие от Церкви, не христиане. Это те, кто не удосужился прочитать Евангелие за всю свою жизнь, которые не желают жить церковной жизнью: не соблюдают посты, не приходят в храм на праздники, не причащаются, не говеют. Или те, кто живут в браке, но не считают нужным повенчаться. Все это — люди, находящиеся вне Церкви.

Им необходима подробная частная исповедь. Ее невозможно совершить во время литургии. Им нужно назначить время, чтобы они пришли и поисповедовались подробно отдельно. Как это практически получается? У нас в храме, например, введена норма часто причащаться. Нам очень трудно, за каждой литургией у нас бывает 400-600 причастников Великим Постом, а в обычное время — 200-300 человек. Начинается литургия, священник идет на исповедь. Я делаю так. Я говорю: те, кто часто причащается и не имеет на совести тяжких грехов, проходите к разрешительной молитве. Читаю молитву, а они мне говорят два-три слова. Кто-то плохо молился, кто-то обидел маму, поссорился с женой и т.п. И все. Так можно пропустить много людей. А те из вас, кто не причащался больше года без особой причины,

пришел первый раз, согрешил тяжкими грехами, те должны подойти ко мне в конце. Сначала я пропускаю тех, кто являются церковными людьми, а остальные пусть подходят во вторую очередь, с ними нужно поговорить более подробно.

Фактически получается так, что все, кто может причаститься, проходят, а все, кто не может, остаются после литургии и исповедуются. И здесь я некоторых поисповедую, а некоторым назначу время: прочитайте Евангелие и приходите в такое-то время. Вот как должно быть на сегодняшний день, так это благословляется и духовниками нашими.

20.04.94.